

МИРОВОЙ ПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

WORLD ORDER IN THE XXI CENTURY

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-7-32

Научная статья / Research paper

А.Н. Богданов*

ФАКТОРЫ ЛЕГИТИМНОСТИ АМЕРИКАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ: МЕНЯЮЩАЯСЯ РОЛЬ КОАЛИЦИЙ И ПАРТНЕРСТВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9*

С момента завершения холодной войны США стремятся сохранить и упрочить свое привилегированное положение лидера международного сообщества, способного мобилизовать и координировать действия государств, объединенных коллективными устремлениями и общими ценностями. На протяжении десятилетий для достижения этой цели Вашингтон использовал военные союзы и межправительственные организации, выступавшие в качестве посредников в отношениях США с менее могущественными государствами и обеспечивавшие тем самым легитимность американского влияния. Однако в последние годы обозначилась тенденция к переориентации Соединенных Штатов на более гибкие и менее институционализированные форматы взаимодействия, что может свидетельствовать о трансформации властных отношений, поддерживающих «либеральный международный порядок». В частности, хотя традиционные союзы в целом продолжают служить в качестве фундамента американской гегемонии, многие функции всё чаще осуществляются вне института альянсов, в то время как возрастающее значение приобретают менее формализованные структуры. В этих условиях возникает необходимость по-новому взглянуть на проблему взаимосвязи между соображениями легитимности и эволюцией институциональных механизмов, призванных обеспечить сохранение выгодного для США международного порядка. В статье рассмотрены подходы представителей российского и за-

* *Богданов Алексей Николаевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: enlil82@mail.ru).

рубежного академического сообщества к восприятию и оценке политики США по легитимации своего международного положения после окончания холодной войны. Автор отмечает, что в рамках существующих подходов уделяется недостаточно внимания динамике властных отношений между США и их партнерами и союзниками. Для того чтобы восполнить этот пробел, в данной статье используются теоретико-методологические принципы английской школы, представители которой рассматривают проблему легитимности в контексте «международного общества» — группы государств, внутри которой процессы ролевой дифференциации и социальной стратификации неразрывно связаны с процессами формирования, воспроизводства и трансформации властных отношений. Опираясь на эти представления, автор исследует специфику американских партнерств и временных коалиций как механизмов легитимации гегемонии США. Автор заключает, что использование данных механизмов позволяет Вашингтону в случае необходимости эффективно мобилизовывать коллективные усилия, управлять распределением ролей между своими союзниками и партнерами, закрепляя и легитимируя асимметрии во властных отношениях, однако в условиях обострения международного соперничества этот подход также порождает дополнительные риски и вызовы.

Ключевые слова: США, гегемония, партнерства, коалиции, лидерство, альянс, легитимность, основной союзник вне НАТО, английская школа

Для цитирования: Богданов А.Н. Факторы легитимности американской гегемонии: меняющаяся роль коалиций и партнерств // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 1. С. 7–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-7-32.

Alexey N. Bogdanov

**LEGITIMIZING FACTORS OF THE AMERICAN HEGEMONY:
THE CHANGING ROLE OF COALITIONS
AND PARTNERSHIPS**

*Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034*

Since the end of the Cold War the United States sought to enhance its privileged position as a ‘leader’ of the international community, capable of mobilizing and coordinating other states to achieve collective goals and ensure shared values. For this purpose, the U.S. relied on traditional alliances and intergov-

ernmental organizations as mediators in relations between Washington and the less powerful countries in order to ensure the legitimacy of the American engagement. However, one can witness the United States' reorientation towards more flexible and less institutionalized formats of interaction in recent years. It may be considered as the transformation of power relations underlying 'liberal international order'. Although the established U.S.-led alliances still serve as the pillars of the 'American hegemony', many functions are increasingly carried out beyond the frameworks of the alliances, and the less institutionalized structures are becoming increasingly important. Thus, it is necessary to explore the links between legitimacy concerns and evolution of institutional tools, whereby the international order congenial with the U.S.' interests can be maintained. The paper examines the views of both Russian and Western expert communities on the role of U.S. coalitions and partnerships in ensuring legitimacy of the post-Cold War 'American hegemony'. The author notes that the existing approaches pay insufficient attention to the dynamics of power relations between the United States and its partners and allies. To fill this gap, the author engages theoretical assumptions of the English school, which consider the issue of 'legitimacy' within the framework of the concept of 'international society' — the group of states within which the division of roles and social stratification are intertwined with the processes of reproduction and transformation of power relations. On this basis the author explores the specifics of the United States' partnerships and ad hoc coalitions as the tools of legitimizing the 'American hegemony' after the end of the Cold War. The author concludes that the use of these mechanisms allows the United States to effectively mobilize collective efforts and manage the distribution of roles between its allies and partners. However, it generates additional risks and challenges in times of tensions.

Keywords: United States, hegemony, partnerships, coalitions, leadership, alliance, legitimacy, major non-NATO ally, English school

About the author: *Alexey N. Bogdanov* — PhD (Political Science), Associate Professor at the American Studies Department, Saint Petersburg State University (e-mail: enlil82@mail.ru).

For citation: Bogdanov A.N. 2022. Legitimizing factors of the American hegemony: The changing role of coalitions and partnerships. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 1, pp. 7–32. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-1-7-32. (In Russ.)

Начиная с середины XX в. различные форматы взаимодействия опосредуют отношения США с менее могущественными государствами и обеспечивают привилегированное положение Вашингтона

в международной системе. В годы противостояния с Советским Союзом этот особый статус позволял Соединенным Штатам противодействовать экспансии коммунизма, а также поддерживать относительное единство и сплоченность капиталистического лагеря. Оказавшись в положении единственной сверхдержавы, США стали претендовать на роль глобального лидера, обеспечивающего мобилизацию коллективных усилий сообщества государств для борьбы с общими угрозами и защиты разделяемых ценностей. В то же время наметилась тенденция к переориентации США на более гибкие форматы взаимодействия с второстепенными государствами, направленные скорее на своевременное реагирование на возникающие вызовы, чем на длительное противодействие какой-либо определенной угрозе. В последние годы этот тренд проявляется в стремлении Вашингтона реорганизовать свои международные обязательства так, чтобы, с одной стороны, сократить бремя издержек глобального лидерства, а с другой — наделить ряд второстепенных держав более значимыми ролями и тем самым обеспечить поддержку ими международного порядка, в котором Соединенные Штаты занимают особое положение.

В то же время, однако, становится всё более очевидно, что те способы, с помощью которых США стремятся выполнять лидерские функции, не получают столь широкого одобрения, как это предполагалось американским руководством в период администраций У. Клинтона (1992–2000). В частности, усиление таких соперников Вашингтона, как Китай и Россия, оспаривающих правомочность многих действий Соединенных Штатов и выступающих против экспансии «либерального мирового порядка», недвусмысленно показывает, что легитимность американского лидерства во всевозрастающей степени подвергается сомнению. Кроме того, углубляющийся раскол Евроатлантического сообщества и обозначившаяся после победы Д. Трампа на президентских выборах фрагментация интернационалистской коалиции внутри Соединенных Штатов могут свидетельствовать о том, что «по мере того как интересы США меняются, их международная легитимность и авторитет грозят испариться, подорвав тем самым международный порядок, существующий со времен Второй мировой войны» [Lake, 2018: 6]. Таким образом, проблема легитимности приобретает особое значение с точки зрения выбора Вашингтоном способов проецирования своей

мощи и, как следствие, перспектив сохранения международного порядка, сложившегося после завершения холодной войны.

Принимая во внимание отмечаемые некоторыми исследователями тенденции к снижению роли традиционных «асимметричных союзов» во внешнеполитической стратегии США [Истомин, Байков, 2020: 9] и усилению влияния менее формализованных механизмов координации коллективных действий [Богданов, 2019], автор данной статьи фокусируется на американских коалициях и партнерствах как специфических мобилизационных форматах, обеспечивающих легитимацию американской гегемонии и сохранение глобального лидерства Вашингтона.

Проблема легитимности власти США после холодной войны в оценках академического сообщества

Несмотря на то что сложившаяся после завершения холодной войны международная система обеспечивает Соединенным Штатам беспрецедентные возможности проецирования своей мощи в глобальном масштабе, превосходство Вашингтона в материальных ресурсах само по себе не является достаточным условием сохранения политического влияния в современном мире. В этой связи, как указывают некоторые исследователи, США в целом соглашаются с необходимостью принять определенные ограничения, чтобы сделать свое преобладание менее угрожающим и, как следствие, более приемлемым для остальных государств, от которых в конечном счете зависит признание легитимности эксклюзивного положения Соединенных Штатов [Reus-Smith, 2003: 423]. В частности, Вашингтон использует такие стратегии, как дипломатия, консультации с союзниками и предоставление «общественных благ» (в виде гарантий безопасности и доступа к своему внутреннему рынку), а также демонстрирует приверженность ключевым нормам международного порядка, чтобы убедить международное сообщество в том, что он действует во имя всеобщих интересов [Brooks, Wohlforth, 2005: 518].

В самом деле, после окончания холодной войны США не только стремились извлечь выгоды из своего доминирующего положения и структурировать межгосударственные взаимодействия в соответствии с собственными интересами, но и последовательно пытались транслировать свое влияние путем установления системных правил, создания и развития международных институтов, а также защиты мировой капиталистической экономики и распространения ли-

беральной идеологии [Мабее, 2013: 79]. В частности, Соединенные Штаты активно использовали такие институциональные средства, как расширение НАТО, создание двух- и многосторонних соглашений в сфере ядерного нераспространения, оказание поддержки глобальным финансовой и торговой системам с помощью Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, а также норм и механизмов Всемирной торговой организации (ВТО). Таким образом, можно согласиться с тем, что после окончания холодной войны внешнеполитическую стратегию США следует рассматривать не столько как совокупность действий единственной сверхдержавы, сколько как политику глобального влияния на мировое развитие, предполагающую создание эффективных механизмов легитимации попыток Вашингтона построить мировой порядок нового типа [От миропорядка империй к имперскому миропорядку, 2005: 159]. При этом способность формировать международный порядок путем распространения или навязывания американского видения перспектив международного развития в сочетании с противодействием попыткам других государств делать то же самое [Темников, 2003: 82] зачастую оказывается не менее важным фактором, чем обладание атрибутами лидера (военная мощь, технический и научный потенциал, организационные и творческие ресурсы) [Богатуров, 2006: 13–14].

По мнению профессора МГИМО Т.А. Шаклеиной, международное лидерство США после окончания холодной войны отличается многомерностью и может принимать такие формы, как «явная гегемония», основанная на принудительном доминировании над остальным миром, «либерально-реалистская гегемония», опирающаяся на стратегию вовлечения и мультилатерализм, и «консервативно-либеральная гегемония», сочетающая принципы двух предшествующих видов [Шаклеина, 1999: 35]. Важно отметить, что обозначенные формы американского доминирования не только отражают предпочтения Вашингтона в отношении тех или иных военно-силовых или институционально-дипломатических методов достижения целей, но также опираются на набор ролей, которые легитимируют международную вовлеченность США (например, роли «главного миротворца» и «устроителя судеб» несостоявшихся государств) [Шаклеина, 2004: 36] и способствуют формированию выгодного для Вашингтона, его союзников и партнеров международного порядка [Шаклеина, Шаклеин, 2016: 61].

В целом исследователи соглашаются с тем, что сочетание ресурсов и социальных способностей имеет критическое значение с точки зрения успешного исполнения лидерских функций и легитимации преобладания одного государства над другими. При этом, как указывал профессор В. Кременюк, после окончания холодной войны США демонстрировали склонность легитимировать свою власть посредством роли «заботливого отца», предоставляющего поддержку и патронаж нуждающимся в протекции и материальной помощи странам. Действуя так, Вашингтон стремился не просто удержать контроль над меняющейся международной системой, но и противостоять общим вызовам, связанным с обострением региональных конфликтов, распространением оружия массового уничтожения, усилением влияния транснациональных акторов и т.д. [Кременюк, 2004: 9–10]. В то же время США не отказывались от принятой еще в годы холодной войны роли «сурового шерифа», считая себя обязанными не только защищать более слабые государства от агрессии и иных незаконных действий, но также «находить и наказывать зло повсюду», чтобы сдерживать противников и вдохновить союзников, друзей и партнеров [Кременюк, 2004: 11–12]. При этом, однако, как утверждает профессор РГУ В. Журавлёва, США исполняли функции лидера не только в «конструктивном» русле, предпочитая содействовать постепенной трансформации международной системы с учетом меняющейся обстановки, но и «революционным» путем, предполагающим силовое преобразование сформировавшихся норм и структур [Журавлёва, 2014: 21]. Разделяющие схожую точку зрения исследователи отмечают, что в тех случаях, когда «конструктивное» лидерство оказывалось неэффективным, Вашингтон демонстрировал решимость проецировать свою мощь посредством исполнения «имперской» роли, апеллирующей к особой миссии США и ориентированной на установление долгосрочных отношений зависимости между ними и более слабыми государствами, а также на силовую демократизацию мировой периферии [Шаклеина, 2015; Гаджиев, 2007; Баталов, 2005; Терентьев, 2004].

Эти рассуждения перекликаются со взглядами сторонников «ролевой теории», которая зародилась в 1970-е годы в рамках исследовательской традиции внешнеполитического анализа и опирается на представление о том, что правительства и отдельные должностные лица формулируют «национальные ролевые концепции», обусловленные восприятием положения конкретного государства внутри

международного сообщества и во многом определяющие содержание внешнеполитического курса страны [Holsti, 1970: 238]. В рамках этого подхода «роль» соотносится с ожидаемым и подобающим поведением государства и видоизменяется под влиянием таких переменных, как взгляды и предпочтения политической элиты, а также действия правительства, направленные на исполнение этой роли. При этом, как отмечают некоторые исследователи, в современном мире различным странам доступны такие роли, как «развивающееся государство», имитирующее поведение и внутреннее устройство ведущих держав, «малое государство», демонстрирующее стремление переосмыслить свою роль, «ведущее государство», склонное принимать на себя ответственность за социализацию «появляющихся» и «малых» государств, а также «великая держава», которая обладает наибольшим выбором доступных международных ролей, соответствующих ее достижениям и потенциалу [Thies, 2013: 44–45]. Кроме того, некоторые государства в своем стремлении добиться положения великой державы примеряют роль «восходящих держав», что неминуемо вовлекает их в борьбу за статус с «ведущими державами». Так, «восходящая держава» стремится продемонстрировать способность исполнять большее количество ролей, чем то, которое ей предписывается, и тем самым доказать, что ее возросшие материальные ресурсы позволяют ей добиться более высокого положения, несмотря на «высокую степень социализирующего давления» [Thies, Nieman, 2017: 31]. Действуя в таком ключе, «восходящая держава» неминуемо сталкивается не только с «великими державами», которые зачастую соперничают между собой, но также с «гегемонами», доминирующими в международной системе благодаря своим колоссальным ресурсам, а также посредством политики социализации, обеспечивающей международное принятие создаваемого ими нормативного порядка [Thies, Nieman, 2017: 31].

В целом в рамках существующих подходов к исследованию механизмов проецирования и легитимации американской мощи после холодной войны в центре внимания оказывается эволюция ролевых идентичностей и концепций США, при этом несколько в стороне остается динамика властных отношений, обусловленная распределением и перераспределением ролей между государствами и связанная с меняющимися представлениями о международной легитимности. Автор данной статьи стремится восполнить этот пробел путем изучения тех аспектов функционирования коалиций

и партнерств Вашингтона, которые позволяют рассматривать их в качестве механизмов легитимации американской гегемонии.

Используемый в данной статье подход опирается на теоретическую традицию английской школы, сторонники которой исследуют проблему легитимности в контексте «международного общества» — группы государств, объединенных общими целями, ценностями и участвующих в создании и работе общих институтов, таких как международное право, дипломатия и межправительственные организации [Bull, 1995: 13]. Согласно этой логике наличие общих целей и ценностей не просто облегчает сотрудничество и координацию совместных действий государств, но также определяет базовые критерии членства и границы допустимого поведения в рамках международного общества. Это в свою очередь способствует закреплению *принципов* и *практик* международной легитимности, которые отражают (соответственно) исходные представления о том, кто является полноправным участником международных отношений (например, нации-государства, империи, монархии, либеральные демократии, и т.д.), и общее стремление к консенсусу [Clark, 2005: 2], выражающемуся в склонности следовать общепринятым правилам и нормам.

Не менее важно, однако, что порядок внутри международного общества поддерживается посредством системы социальной стратификации, которая дифференцирует его членов в соответствии с выполняемыми ими функциями или ролями. В частности, центральное значение приобретает роль «великой державы», предполагающая постоянное участие в управлении международными делами и сохранение международного порядка путем поддержания системного баланса сил, а также предотвращения кризисов и войн [Bull, 1995: 207]. Для достижения этих целей «великие державы» используют свою превосходящую мощь в рамках своих сфер влияния и систем союзов, а также прибегают к таким практикам легитимности, как дипломатия, участие в конференциях и совместные интервенции [Hurrel, 2005: 54]. При этом особое значение приобретает тот факт, что «великая держава» должна признаваться другими членами международного общества в качестве влиятельного актора и исполнять социально сконструированную роль, предполагающую осуществление особых прав и обязанностей. В свою очередь это предполагает, что «великая держава» принимается в расчет другими государствами как обладающая «очевидным экономическим, военным и политическим потенциалом для борьбы за сверхдер-

жавный статус в кратко- или среднесрочной перспективе» [Buzan, 2004: 69–70].

Схожим образом роль «гегемона» предполагает исполнение таких функций, как поддержание системных правил, противодействие ревизионистским вызовам международной системе, а также обеспечение приемлемого уровня международной безопасности. При этом второстепенные государства рассматривают гегемонистскую державу в качестве источника «общественных благ» и признают ее особые права и обязанности внутри международного общества. В этой связи, как отмечает профессор Университета Аберистуита Й. Кларк, ключевое значение приобретает тот факт, что гегемония должна рассматриваться не просто с точки зрения степени материального могущества лидирующей державы, но также в контексте специфической динамики легитимности, присущей отношениям между гегемоном и его последователями [Clark, 2011: 51]. При этом роли «гегемона» и «последователей» опосредуют отношения между державой-лидером и второстепенными государствами, а также служат в качестве фундамента систем функциональной дифференциации и социальной стратификации, благодаря которым формируются поддерживающие международный порядок политические иерархии. Как следствие способы распределения ролей между членами международного общества приобретают ключевое значение с точки зрения формирования и легитимации властных отношений, особенно в тех случаях, когда в системе присутствует доминирующая держава, стремящаяся закрепить свой привилегированный статус.

Исходя из положений описанного подхода, можно предположить, что создаваемые США после завершения холодной войны партнерства и коалиции представляют собой механизмы мобилизации коллективных действий, опирающиеся на распределение ролей между участниками. Это не только повышает эффективность усилий последних, но также наделяет их легитимным статусом и оправдывает властную асимметрию между «гегемоном» и «последователями». При этом коалиции и партнерства используются доминирующей державой для достижения как собственных, так и коллективных целей (обеспечение международной безопасности, ограничение насилия и стабилизация ключевых регионов посредством недопущения соперничества ведущих держав и т.д.), что в конечном счете должно способствовать укреплению легитимности гегемонистского статуса США. Этот статус в свою очередь предпо-

лагает исполнение Вашингтоном роли «лидера», предоставляющего необходимые ресурсы и формулирующего правила, в соответствии с которыми члены коалиций и партнерств координируют свои действия. Не менее важно, что устанавливаемые «лидером» правила также нацелены на поддержание ролевой дифференциации между участниками, в результате чего формируются устойчивые политические иерархии, культивирующие представления о легитимности как предпринимаемых действий, так и неравного распределения ресурсов и полномочий между гегемоном и второстепенными государствами. Сохранение этих неформальных иерархий имеет большое значение с точки зрения легитимации власти Вашингтона, стремящегося обеспечить эксклюзивность своего положения внутри международного общества путем исполнения привилегированной роли «лидера» и тем самым консолидировать выгодный международный порядок.

Коалиции США как механизмы легитимации американской гегемонии

Закат эпохи холодной войны и последовавший распад СССР привели к тому, что применявшиеся в годы противостояния с Советским Союзом механизмы легитимации американской мощи, акцентировавшие роль США как лидера в борьбе «свободного мира» против коммунистической экспансии, утратили релевантность в новых геополитических реалиях. В частности, Вашингтон столкнулся с необходимостью оправдания своего особого положения в рамках международного общества, что предполагало переосмысление сущности и способов исполнения его лидерской роли в условиях отсутствия глобальных геополитических вызовов и, как следствие, снижения значимости традиционных механизмов сдерживания. Вместо этого США обозначили свое стремление выступать в качестве лидера различных временных коалиций, создаваемых для достижения определенных целей (установление мира, предотвращение региональных кризисов, свержение враждебных режимов и т.д.), что позволяло формировать приоритеты второстепенных государств в сфере национальной безопасности согласно американским стратегическим целям, а также оправдывать применение военной силы. В то же время, как отмечает профессор Гарвардского университета С. Уолт, хотя такие коалиционные операции, как «Буря в пустыне» (1990–1991) и интервенция НАТО на Балканах в 1990-е годы, были

нацелены преимущественно на поддержание выгодных для США региональных балансов сил, временные коалиции 2000-х и 2010-х годов («коалиция желающих» после терактов 9/11, военные операции в Ливии и Сирии) имели значение не столько с точки зрения использования общего военного потенциала, сколько в силу производимой ими легитимности гегемонистских интервенций [Walt, 2009: 117]. Кроме того, на протяжении последних десятилетий военная инфраструктура и оборудование традиционных альянсов (прежде всего НАТО) всё чаще используются Вашингтоном в качестве фундамента для временных коалиций, включающих как членов союза, так и не участвующие в нем государства. Так было, например, в случае с военными операциями в Афганистане (2003–2004) и Ливии (2011), в ходе которых Североатлантический альянс предоставлял только командную структуру, в то время как военные контингенты обеспечивались более широким кругом стран. К тому же опыт операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, военная интервенция США в Ирак (2003) и коллективные военные действия против «Исламского государства»¹ в 2014–2019 гг. показали, что организованные Соединенными Штатами коалиции тяготеют к тому, чтобы опираться непосредственно на военный персонал региональных командных структур США и тем самым обеспечивать более широкое участие членов многосторонних союзов [Истомин, Байков, 2020: 18].

Не менее важно, однако, что создаваемые Вашингтоном коалиции предполагают наделение участников специализированными ролями, как, например, в случае с операцией «Буря в пустыне» (1991), в ходе которой коалиционные действия во многом определялись функциональной дифференциацией вовлеченных государств. Так, вклад Великобритании и Франции в общие усилия заключался в предоставлении войск уровня НАТО, замещавших американские вооруженные силы, в то время как Сирия фактически исполняла роль «пожарного сигнализатора» (*fire-alarm state*), выход которого из коалиции мог означать, что США нарушили изначальные соглашения и тем самым поставили под угрозу международный консенсус относительно политических целей и средств [Lake, 1999: 202–203]. В то же время существовала «внешняя коалиция», включавшая те страны, которые предпочли не присоединяться к военным действиям, но при этом демонстрировали согласие, необходимое для легитимации

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

американской политики в глазах остального мира [Lake, 2001: 152]. Эта система функциональной дифференциации, опиравшаяся на неформальное распределение ролей и полномочий, в первую очередь была направлена на повышение эффективности координации действий участников, однако она может рассматриваться и как специфический механизм, обеспечивающий легитимацию властных отношений посредством разграничения сфер ответственности и использования многосторонних механизмов принятия решений (консультаций, контактов между военными и политиками и т.д.).

Впоследствии подобный подход был применен в Сирии, где Соединенные Штаты не только предоставляли необходимые ресурсы в рамках созданной ими коалиции, но также распределяли роли между участвовавшими сторонами. В частности, в то время как сами США сосредоточились на роли «лидера» коалиции, а также на обучении военного персонала и наращивании недостающего потенциала государств-партнеров, второстепенные страны сконцентрировались на решении таких задач, как предотвращение притока новых террористов из-за рубежа, уничтожение источников финансовой поддержки «Исламского государства» и предоставление гуманитарной помощи пострадавшему населению [Шумилин, 2017: 48–50]. В результате ролевая дифференциация внутри коалиции не только помогала координировать совместные действия, но также способствовала формированию системы социальной стратификации, внутри которой США выполняли наиболее важные функции (предоставление материальных и организационных ресурсов), тем самым укрепляя свое привилегированное положение и обеспечивая легитимность всей операции.

В целом, хотя политические цели и средства создаваемых США коалиций (равно как их функции и состав участников) заметно различались от случая к случаю, Вашингтону было свойственно делать акцент на необходимости американского лидерства для поддержания основанного на правилах международного порядка, способствующего глобальной безопасности и процветанию². Как

² См., например: National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington, D.C., 1996. P. i. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1996.pdf> (accessed: 06.02. 2022); A National Security Strategy for a New Century. Washington, D.C., 1999. P. iii. Available at: <https://clintonwhitehouse4.archives.gov/media/pdf/nssr-1299.pdf> (accessed: 06.02.2022); National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2015. P. i. Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 13.01.2022).

привилегированный участник временных коалиций США стремились реализовывать свое лидерство посредством мобилизации и координации коллективных действий, внося вклад в общие усилия, обеспечивая гибкость при использовании военной силы с тем, чтобы успокоить союзников и утратить потенциальных агрессоров. В этом смысле последовательное стремление исполнять роль «коалиционного лидера» можно рассматривать в качестве важного элемента стратегии легитимации политики США в глазах их партнеров посредством увязывания политики Вашингтона с целями как конкретной операции, так и международного общества в целом. При этом источником легитимности коалиционных действий фактически являлась неформализованная система дифференцированных полномочий, в рамках которой значимые роли распределялись между участниками для обеспечения эффективности предпринимаемых действий и оправдания использования военной силы, а также особых прав и обязанностей Вашингтона. Таким образом, можно предположить, что привилегированное положение США и их роль «коалиционного лидера» важны для американской стороны постольку, поскольку помогают проецировать влияние путем мобилизации коллективных ресурсов, а также управлять распределением значимых ролей между участниками и тем самым обеспечивать воспроизводство неравноправных отношений с второстепенными государствами. Не менее важно и то, что привлечение последних к участию в создаваемых Вашингтоном коалиционных форматах облегчает контроль внешнеполитических устремлений этих стран, а также помогает сформировать коллективные представления о легитимности действий коалиции.

Вместе с тем благодаря более тесному сотрудничеству с США и участию в формировании (или поддержании) выгодного для гегемонистской державы международного порядка второстепенные члены коалиции получают возможность повысить свой престиж и обрести больший объем полномочий, чем предусмотрено их формальным статусом. При этом менее могущественные государства могут принимать окончательные решения относительно того, в какой мере (и в какой форме) они согласны поддерживать инициативы коалиционного лидера и исполнять принятые на себя роли. В этом смысле участие в американских коалициях может рассматриваться как специфическая практика легитимности, придерживаясь которой, государства-участники демонстрируют степень

своей готовности поддержать действия государства-лидера путем исполнения ответственных международных ролей. Это в свою очередь предоставляет им более широкие возможности в плане укрепления собственного престижа и усиливает заинтересованность в сохранении статус-кво, определяющей чертой которого является привилегированное положение США как государства — лидера международного общества.

Американские партнерства как механизмы легитимации гегемонии США

Наряду с такими механизмами воспроизводства американской гегемонии, как альянсы и коалиции, на протяжении трех последних десятилетий возрастающую роль играют партнерства США, помогающие Вашингтону мобилизовать необходимую поддержку со стороны других государств без принятия на себя чрезмерных издержек и обязательств в сфере безопасности. В сущности, американские партнерства представляют собой более или менее формализованные межгосударственные отношения, основанные на «обоюдности, общей выгоде и взаимном уважении»³, нацеленные на развитие сотрудничества, повышение эффективности совместных действий и оптимизацию издержек. Зачастую к партнерствам США относятся разного рода «особые отношения», опирающиеся на двусторонние сделки, в которых «лидирующее государство предлагает выгоды или услуги, такие как обеспечение безопасности или доступ к рынку, в обмен на политическую поддержку и сотрудничество» [Ikenberry, 2011: 80]. Кроме того, согласно официальной позиции Вашингтона, когда США осознают, что их собственная безопасность тесно связана с безопасностью всей международной системы, они стремятся нарастить потенциал неустойчивых и уязвимых партнеров так, чтобы они могли самостоятельно противостоять внутренним угрозам и внешней агрессии, тем самым повышая способность международной системы отвечать на вызовы со стороны «государств-изгоев» и потенциальных гегемонов⁴.

³ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of NATO. Lisbon, 2010. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_68580.htm (accessed: 13.01.2022).

⁴ National Defense Strategy // U.S. Department of Defense. Washington, D.C., 2008. P. 6. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nds/2008_NDS.pdf?ver=WEYyBjnf6UkNioPqfkSr3Q%3d%3d (accessed: 13.01.2022).

Например, после окончания холодной войны США проводили политику, предполагающую наделение партнерским статусом ряда посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы, а также бывших республик Советского Союза, чтобы обеспечить необратимость демократического транзита этих стран и их последующую интеграцию в «западное сообщество». Для этого Вашингтон содействовал развитию таких форматов, как Совет Евроатлантического партнерства и программа «Партнерство ради мира», предполагавших ускорение процесса получения членства в НАТО странами, ранее входившими в состав СССР и Организации Варшавского договора. В результате новые члены Североатлантического альянса могли рассчитывать не только на укрепление своей национальной безопасности, но и на заметное повышение своего международного престижа как полноправных участников наиболее развитого сообщества коллективной безопасности. Неудивительно, что страны «новой Европы» стали лояльными партнерами Соединенных Штатов и впоследствии были более склонны поддерживать их амбициозные внешнеполитические инициативы (например, военное вторжение в Ирак в 2003 г. и размещение элементов американской противоракетной обороны в Европе), чем «традиционные» западноевропейские союзники Вашингтона. Таким образом, хотя в данном случае статус «партнера» рассматривался в качестве временного и переходного, наделение постсоциалистических и постсоветских государств более привилегированным положением внутри международного общества играло важную роль с точки зрения укрепления легитимности лидерства Соединенных Штатов и сохранения ими контроля над стратегически важным Европейским регионом. США также неоднократно декларировали приверженность обязательствам в отношении таких стран-партнеров как Грузия, Молдавия и Украина, чтобы эти государства могли обеспечивать собственную оборону в случае возникновения угрозы их национальной безопасности со стороны России⁵.

В Западном полушарии США относят к наиболее важным партнерам ряд государств (Мексика, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия), вовлеченных в процесс достижения таких общих целей, как создание «поистине демократического полушария, в котором интеграция укрепляет безопасность, процветание, благоприятные

⁵ National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2015. P. 26.

возможности и надежду»⁶. Кроме того, согласно Стратегии национальной безопасности 2015 г. партнерские отношения Соединенных Штатов с Канадой и Мексикой призваны укреплять коллективную конкурентоспособность и благосостояние всего полушария, в то время как партнерства с Гватемалой, Сальвадором и Гондурасом содействуют прогрессу в сфере экономического роста и демократического развития⁷.

Схожим образом, как следует из упомянутой стратегии, в Юго-Восточной Азии американские партнерства призваны содействовать открытости и прозрачности экономик, а также обеспечивать региональную поддержку международных экономических норм, имеющих принципиальное значение для глобального экономического роста⁸. Так, США предпринимают последовательные усилия, направленные на развитие сети партнерств в Азиатско-Тихоокеанском регионе, призванных выступать в качестве механизмов проецирования влияния и легитимации американской гегемонии. При этом важную роль играют не только отдельные государства (Индия, Вьетнам, Индонезия, Малайзия), но и формирующиеся международные институты, призванные обеспечить вовлеченность США в региональные политические (например, Восточно-Азиатский саммит) и экономические (например, Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом и экономическом партнерстве) процессы [Старкин, Рыжов, 2014: 50]. Кроме того, Вашингтон прилагает заметные усилия для развития таких многосторонних форматов, как Четырехсторонний диалог по безопасности (США, Индия, Япония, Австралия), а также содействует развитию партнерских отношений между своими традиционными союзниками [Лукин, Коротич, 2017: 6]. Эти новые форматы не предполагают акцента на доминирование Соединенных Штатов и скорее ориентированы на интенсивное и относительно равноправное взаимодействие всех участников, стремящихся разрешить общие проблемы.

При этом Вашингтон не стремится формализовать свои особые права и обязанности в рамках этих соглашений, что позволяет уклониться от принятия чрезмерных обязательств и связанных с ними издержек. Как следствие, постепенно формируется менее централи-

⁶ National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2002. P. 10. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (accessed: 13.01.2022).

⁷ National Security Strategy of the United States. Washington, D.C., 2015. P. 28.

⁸ Ibid. P. 24.

зованная региональная политическая иерархия, где «осевая» роль США замещается ролью узлового центра («хаба»), обеспечивающего координацию взаимодействий традиционных союзников и новых партнеров, которые наделяются более широкими полномочиями и ответственностью в сфере достижения таких коллективных целей, как поддержание региональной безопасности и укрепление общего благосостояния (подробнее см.: [Лукин, Коротич, 2017: 6–7; Старкин, Рыжов, 2014: 52–53]).

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что наряду с маловлиятельными развивающимися странами американская сеть партнерств включает могущественные державы, выполняющие роль «стержневых государств» в организации управления всей гегемонистской системой США и поддержании общего порядка [Mastanduno, 2019: 486–487]. Эти государства (в частности, Германия в Европе и Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе) сохраняют критическое значение для Вашингтона, поскольку помогают поддерживать лежащие в основе «либерального международного порядка» нормы и принципы, а также активно участвуют в функционировании этого порядка и содействуют его дальнейшей экспансии.

В целом в рамках разнообразных партнерских структур Вашингтон может рассчитывать на то, что его «младшие» партнеры будут демонстрировать лояльность посредством принятия на себя части материального бремени, предоставления своей территории для размещения военных баз, портов или аэропортов в целях противодействия общему противнику, исполнения ответственной роли в различных международных организациях, оказания влияния на другие государства, а также поддержки легитимности лидерства «старшего» партнера [Heimann et al., 2021: 392]. При этом политика США, направленная на распределение партнерских ролей среди второстепенных государств, с одной стороны, приводит к укреплению способности последних самостоятельно отвечать на появляющиеся вызовы и угрозы, а с другой — помогает повысить их престиж благодаря вовлеченности в достижение коллективных целей международного общества. Сохранение этой вовлеченности в долгосрочной перспективе приобретает принципиальное значение с точки зрения укрепления контроля над ними со стороны США, поскольку «партнеры» склонны поддерживать американскую гегемонию и соглашаться с особыми правами и обязанностями Вашингтона внутри международного общества.

Как следствие, политика партнерства становится важным элементом стратегии легитимации привилегированного положения и действий США, направленных на реализацию их интересов и закрепление выгодных отношений с менее могущественными государствами. Значение этой политики также во многом обусловлено тем, что обретающие статус американских партнеров государства вовлекаются в эксклюзивные отношения с Вашингтоном, отличающиеся преобладанием сотрудничества (как правило, в сфере безопасности и торговли) и относительно равномерным распределением авторитета между «старшим» и «младшими» партнерами, не предполагающим явного акцента на особых правах и прерогативах США как государства-лидера. В то же время благодаря более тесным отношениям с гегемонистской державой американские партнеры получают возможность претендовать на более привилегированное (хоть и неформальное) положение по отношению к тем государствам, которые не обладают подобным статусом. С этой точки зрения участие в проводимой Вашингтоном политике партнерств представляет собой специфическую практику легитимности, в результате следования которой могущественная держава и второстепенные государства оказываются вовлеченными в процесс достижения коллективных целей. Немаловажно также, что эти практики способны оказывать влияние на социальную структуру международного общества, поскольку приводят к установлению специфических властных отношений, опирающихся на распределение неформальных статусов и ролей между доминирующим и менее могущественными государствами.

* * *

В последние десятилетия США сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными рисками усиления регионального соперничества великих держав, обострением внутрисостоятельных конфликтов, ростом транснациональных угроз, а также необходимостью обеспечивать легитимность своей мощи. Как следствие, наряду с традиционными альянсами Вашингтона в Европе и Восточной Азии возрастает значение коалиций и партнерств как механизмов мобилизации ресурсов и коллективных усилий, направленных в первую очередь на решение проблем региональной безопасности. Важно отметить, что эти международные форматы предполагают четкую ролевую дифференциацию участников и поддерживают легитим-

ность власти США как «лидера», отводя значимые второстепенные роли менее могущественным членам. Так, расширение глобальной сети американских партнерств, в рамках которых участники исполняют дифференцированные роли (например, «младший» или «старший» партнер, «ключевой союзник вне НАТО» и т.д.), обеспечивает распределение легитимных статусов и закрепляет неравноправные отношения между Соединенными Штатами и второстепенными державами. При этом, в отличие от традиционных альянсов Вашингтона, в рамках которых роли союзников более формализованы и потому менее эластичны, формат партнерств и коалиций предполагает гибкое управление процессами ролевой дифференциации и формирование (или изменение) структуры властных отношений с учетом особенностей регионального контекста, а также специфики конкретных вызовов и угроз.

Кроме того, поскольку члены американских коалиций и партнерств наделяются дифференцированными полномочиями и вовлекаются в исполнение различных функций, это способствует углублению социальной стратификации международного общества и тем самым модифицирует его структуру, изначально основанную на принципах формального равенства государств. С одной стороны, эта тенденция может выражаться в укреплении сплоченности и солидарности участников, что имеет большое значение с точки зрения легитимации властных отношений между ними. В этом смысле участие в создаваемых США коалициях и партнерствах можно рассматривать в качестве специфической практики легитимности, которая институционализируется в виде «ролей», обеспечивающих взаимосвязь между действиями государств и коллективными целями международного общества. С другой стороны, посредством наделения менее могущественных государств второстепенными ролями Соединенные Штаты пытаются сформировать устойчивые политические иерархии, закрепляющие их привилегированное положение и оправдывающие явную властную асимметрию. С этой точки зрения американские партнерства и коалиции культивируют фактическое неравенство членов международного общества посредством формирования структур авторитета, произрастающих из дифференцированных прав и обязанностей доминирующего и второстепенных государств. Поскольку такое положение дел осложняет процесс легитимации властных отношений, присущих американской гегемонии, США сталкиваются с необходимостью регулярно

пересматривать форматы коалиций и партнерств, чтобы они могли обеспечивать мобилизацию коллективных усилий посредством наделения участников значимыми международными ролями в рамках конкретной операции или международного общества в целом. Это позволяет расширить круг государств, вовлеченных в поддержание выгодного для Соединенных Штатов международного порядка, и укрепить легитимность привилегированного положения США как глобального лидера.

В то же время рассредоточение полномочий и ответственности в рамках коалиций и партнерств, а также частые изменения состава участников могут ослабить фундамент иерархий авторитета, легитимирующих неравномерное распределение прав и обязанностей между США и менее могущественными державами. По мере нарастания тенденции к перераспределению мощи и влияния внутри современной международной системы это может приобрести еще большее значение с точки зрения воспроизводства и трансформации властных отношений между Соединенными Штатами, желающими удержать эксклюзивное положение «лидера» международного общества, и второстепенными государствами, которые стремятся сохранить свой статус посредством исполнения значимых ролей в рамках предлагаемых Вашингтоном форматов взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005.
2. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в мировой системе // Международные процессы. 2006. № 3. С. 5–15.
3. Богданов К.В. Время ad hoc? // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 2. С. 32–45.
4. Гаджиев К.С. Демократическое и имперское начала во внешнеполитической стратегии США // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 8. С. 31–41.
5. Журавлева В.Ю. Идеино-политические корни американского лидерства // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 11. С. 19–32.
6. Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. 2020. № 6. С. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02.

7. Кременюк В.А. Две модели отношений США с окружающим миром: «заботливый отец» или «суровый шериф» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2004. № 11. С. 3–14.

8. Лукин А.Л., Коротич С.А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 4. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15.

9. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: НОФМО, 2005.

10. Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 10. С. 49–56.

11. Темников Д.М. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе // Международные процессы. 2003. № 2. С. 80–90.

12. Терентьев А.А. мироустройство начала XXI века: существует ли альтернатива «американской империи»? // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 35–46.

13. Шаклеина Т.А. В чем призвание Америки? // Международные процессы. 2004. № 2. С. 34–42.

14. Шаклеина Т.А. Дискуссии в США по внешней политике // США и Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 12. С. 25–38.

15. Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. № 4. С. 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1.

16. Шаклеина Т.А., Шаклеин В.В. Стратегия США после Обамы. Какое наследие оставили демократы республиканцам? // Международные процессы. 2016. № 4. С. 49–66. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.4.

17. Шумилин А.И. Эволюция подходов США к конфликтам на Ближнем Востоке // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 1. С. 32–53.

18. Brooks S., Wohlforth W. International relations theory and the case against unilateralism // Perspectives on Politics. 2005. Vol. 3. No. 3. P. 509–524.

19. Bull H. The anarchical society. A study of order in world politics. New York: Columbia University Press, 1995.

20. Buzan B. The United States and the great powers. World politics in the twenty-first century. Cambridge: Polity Press, 2004.

21. Clark I. Hegemony in international society. Oxford: Oxford University Press, 2011.

22. Clark I. Legitimacy in international society. Oxford: Oxford University Press, 2005.

23. Heimann G., Paikowsky D., Kedem N. Partnership in leadership: Why and how do leading powers extend managerial privileges to junior partners? // *Security Studies*. 2021. Vol. 30. No. 3. P. 385–418. DOI: 10.1080/09636412.2021.1951835.

24. Holsti K. National role conceptions in the study of foreign policy // *International Studies Quarterly*. 1970. Vol. 14. No. 3. P. 233–309.

25. Hurrell A. Power, institutions, and the production of inequality // *Power in global governance* / Ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 33–58.

26. Ikenberry J. *Liberal Leviathan. The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton: Princeton University Press, 2011.

27. Lake D. Beyond anarchy: The importance of security institutions // *International Security*. 2001. Vol. 26. No. 1. P. 129–160.

28. Lake D. *Entangling relations. American foreign policy in its century*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

29. Lake D. International legitimacy lost? Rule and resistance when America is first // *Perspectives on Politics*. 2018. Vol. 16. No. 1. P. 6–21. DOI: 10.1017/S1537592717003085.

30. Mabee B. *Understanding American power. The changing world of U.S. foreign policy*. New York: Palgrave MacMillan, 2013.

31. Mastanduno M. Partner politics: Russia, China, and the challenge of extending U.S. hegemony after the end of the Cold War // *Security Studies*. 2019. Vol. 28. No. 3. P. 479–504. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604984.

32. Reus-Smith Ch. The misleading mystique of America's material power // *Australian Journal of International Affairs*. 2003. Vol. 57. No. 3. P. 423–430.

33. Thies C. *The United States, Israel, and the search for international order*. New York, London: Routledge, 2013.

34. Thies C., Nieman M. Rising powers and foreign policy revisionism. Understanding BRICS identity and behavior through time. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017.

35. Walt S. Alliances in a unipolar world // *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 86–120.

REFERENCES

1. Batalov E.Ya. 2005. *Mirovoe razvitiye i mirovoi poryadok* [World development and world order]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

2. Bogaturov A.D. 2006. Liderstvo i detsentralizatsiya v mirovoi sisteme [Leadership and decentralization in the international system]. *International Trends*, no. 3, pp. 5–15. (In Russ.)

3. Bogdanov K.V. 2019. Vremya ad hoc? [Time of ad hoc?]. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no. 2, pp. 32–45. (In Russ.)

4. Gadzhiev K.S. 2007. Demokraticeskoe i imperskoe nachala vo vneshnepoliticheskoy strategii SShA [Democratic and imperial elements of the U.S. foreign policy strategy]. *World Economy and International Relations*, no. 8, pp. 31–41. (In Russ.)

5. Zhuravlyova V.Yu. 2014. Ideino-politicheskie korni amerikanskogo liderstva [The American leadership: Political and conceptual origins]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 11, pp. 19–32. (In Russ.)

6. Istomin I.A., Baykov A.A. 2020. Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances at the service of hegemony: Deconstruction of the military domination toolbox]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02. (In Russ.)

7. Kremeniuk V.A. 2004. Dve modeli otnoshenii SShA s okruzhayushchim mirom: 'zabotlivyi otets' ili 'surovyi sherif' [Two models of U.S. relations with the world: A 'careful father' and a 'tough sheriff']. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 11, pp. 3–14. (In Russ.)

8. Lukin A.L., Korotich S.A. 2017. Mezhdru Vashingtonom i Pekinom: chto zhdet aziatsko-tikhookeanskii al'yansy SShA? [The Asia-Pacific alliances of the United States: Between balancing, neutralization and hedging]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15. (In Russ.)

9. Voitlovskii F.G., Gudev P.A., Solov'ev E.G. (eds.). 2005. *Ot miropanyadka imperii k imperskomu miropanyadku* [From the world of empires to the imperial world order]. Moscow, NOFMO Publ. (In Russ.)

10. Starkin S.V., Ryzhov I.V. 2014. Strategicheskii 'razvorot' SShA v Azii: evolyutsiya podkhodov [The strategic 'reversal' of the USA in Asia: Evolution of the approaches]. *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 49–56. (In Russ.)

11. Temnikov D. 2003. Ponyatie mirovogo liderstva v sovremennom politicheskom diskurse [The concept of world leadership in contemporary political discourse]. *International Trends*, no. 2, pp. 80–90. (In Russ.)

12. Terent'ev A.A. 2004. Miroustroistvo nachala 21 veka: sushchestvuet li al'ternativa 'amerikanskoi imperii'? [World architecture of early XXI: Is there an alternative to 'American empire'?]. *World Economy and International Relations*, no. 10, pp. 35–46. (In Russ.)

13. Shakleina T.A. 2004. V chiom prizvanie Ameriki? ['America's mission' revisited]. *International Trends*, no. 2, pp. 34–42. (In Russ.)

14. Shakleina T.A. 1999. Diskussii v SShA po vneshnei politike [Foreign policy debates in the United States]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 12, pp. 25–38. (In Russ.)
15. Shakleina T.A. 2015. Liderstvo i sovremennyi mirovoy poriadok [Leadership and contemporary world order]. *International Trends*, no. 4, pp. 6–19. DOI: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1. (In Russ.)
16. Shakleina T.A., Shaklein V.V. 2016. Strategiya SShA posle Obamy. Kakoe nasledie ostavili demokraty respublikantsam? [Post-Obama U.S. global strategy]. *International Trends*, no. 4, pp. 49–66. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.4 (In Russ.)
17. Shumilin A.I. 2017. Evoliutsiya podhodov SShA k konfliktam na Blizhnem Vostoke [Evolution of the U.S. approach toward Middle East conflicts]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 1, pp. 32–53. (In Russ.)
18. Brooks S., Wohlforth W. 2005. International relations theory and the case against unilateralism. *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 3, pp. 509–524.
19. Bull H. 1995. *The anarchical society. A study of order in world politics*. New York, Columbia University Press.
20. Buzan B. 2004. *The United States and the great powers. World politics in the twenty-first century*. Cambridge, Polity Press.
21. Clark I. 2011. *Hegemony in international society*. Oxford, Oxford University Press.
22. Clark I. 2005. *Legitimacy in international society*. Oxford, Oxford University Press.
23. Heimann G., Paikowsky D., Kedem N. 2021. Partnership in leadership: Why and how do leading powers extend managerial privileges to junior partners? *Security Studies*, vol. 30, no. 3, pp. 385–418. DOI: 10.1080/09636412.2021.1951835.
24. Holsti K. 1970. National role conceptions in the study of foreign policy. *International Studies Quarterly*, vol. 14, no. 3, pp. 233–309.
25. Hurrell A. 2005. Power, institutions, and the production of inequality. In Barnett M., Duvall R. (eds.). *Power in global governance*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 33–58.
26. Ikenberry J. 2011. *Liberal Leviathan. The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton, Princeton University Press.
27. Lake D. 2001. Beyond anarchy: The importance of security institutions. *International Security*, vol. 26, no. 1, pp. 129–160.
28. Lake D. 1999. *Entangling relations. American foreign policy in its century*. Princeton, Princeton University Press.
29. Lake D. 2018. International legitimacy lost? Rule and resistance when America is first. *Perspectives on Politics*, vol. 16, no. 1, pp. 6–21. DOI: 10.1017/S1537592717003085.

30. Mabee B. 2013. *Understanding American power. The changing world of U.S. foreign policy*. New York, Palgrave McMillan.

31. Mastanduno M. 2019. Partner politics: Russia, China, and the challenge of extending U.S. hegemony after the end of the Cold War. *Security Studies*, vol. 28, no. 3, p. 479–504. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604984.

32. Reus-Smith Ch. 2003. The misleading mystique of America's material power. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 57, no. 3, pp. 423–430.

33. Thies C. 2013. *The United States, Israel, and the search for international order*. New York, London, Routledge.

34. Thies C., Nieman M. 2017. *Rising powers and foreign policy revisionism. Understanding BRICS identity and behavior through time*. Ann Arbor, University of Michigan Press.

35. Walt S. 2009. Alliances in a unipolar world. *World Politics*, vol. 61, no. 1, pp. 86–120.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.03.2022;
принята к публикации 02.04.2022

The article was submitted 17.01.2022;
approved after reviewing 20.03.2022;
accepted for publication 02.04.2022